

В окрестностях Первоуральска есть поселок Хомутовка. Он расположен в 13 километрах на юго-запад от центра города на западном склоне Шайтанского увала.

Поселок возник в тридцатые годы. Здесь рубили лес и производили выжиг угля в специальных печах. Как свидетельствует В. Даль в "Толковом словаре", сибиряки называют хомутиной реки русло, загнутое подковой. Реки Четаевская, Шайтанка и Листвянка обхватили селение, как хомут шею лошади. Отсюда селение, расположенное, как на полуострове, между рек, получило имя Хомутовка. Основали Хомутовку в 1931 году спецпереселенцы.

История спецпереселенчества в стране берет свое начало с 1929 года, с момента начала к сплошной коллективизации в деревне. Не голод и нужда срывали трудодельных крестьян с обжитых не одним поколением мест, а властная рука "великого кормчего".

5 января 1930 года Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление "О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству". На Урале коллективизацию намечалось закончить к весне 1932 года. На основе сплошной, вернее, принудительной коллективизации партия повела политику ликвидации кулачества как класса. Наступление на кулака развернулось широко и активно. Участки земли единоличников передавались в распоряжение колхозов.

После принятия постановления все партийные организации на селе усилили работу по коллективизации. Вместо кропотливой подготовительной организационно-разъяснительной работы среди крестьян парторганы подменили ее грубым администрированием. Они принудительно обобществляли не только крупный скот, но и мелкий, и птицу. Наиболее распространена была такая практика на Урале. В результате это вызвало недовольство у середнячко-бедняцких масс. Тогда были применены репрессивные меры. Дабы "кулаки и подкулачники" не мешали рождению колхозов, их отправляли в специальные отведенные места.

Раскулачивание производилось быстро. Ударные бригады ходили по крестьянским подворьям, описывали не только скот и машины, как отмечено на страницах истории партии. Описывалось все: дом, сарай и домашнее имущество, вплоть до последних принадлежностей, занавесок, портянок, половинок и тарелок, не говоря уже об одежде, даже детской. Забирали все подчистую.

Разорение крестьянских хозяйств не замедлило сказаться. Оно аукнулось на следующий год. В 1932 году разразился страшный голод, унесший по стране миллионы жизней.

Кампания раскулачивания на Урале проводилась широко. Внутри региона было переселено 33 тысячи семей во вновь организованные трудпоселки, расположенные в отдаленных глухих местах.

Беда коснулась многих крестьян Артинского, Красноуфимского, Манчжского и Сажинского районов Свердловской области. Неправый суд вершился с приездом уполномоченного. К зажиточным относили до пяти хозяйств из ста - такова разрядка. Судьбу семьи просто мог решить по злому умыслу сосед. Достаточно было одного слова, и семью относили к "социально опасным". "Активисты" действовали по схеме: в полночь приходили вооруженные люди, арестовывали главу семьи и под конвоем отправляли в Красноуфимск. Через толторы-две недели уполномоченный ОГПУ с вооруженными комсомольцами соседних деревень производил выселение семьи. Времени на сборы в дальнюю и вечную дорогу не давали.

В деревне Амерово по политическим мотивам в административном порядке была признана социально опасной по классовому признаку и подлежала выселению семья крестьянина Василия Григорьевича Русинова. В полночь его арестовали и увезли в Красноуфимск. Через две недели, также в полночь из пятистенного дома выселили его семью. Прасковья Степановна успела положить в корзину краюху хлеба - больше не разрешили взять, собрала пятерых ребятшек и в чем были вывела из семейного гнезда. Слезы текли ручьем, жалко покидать дом, который она вместе с мужем поднимала своими руками.

На улице шел дождь. Будто небо оплакивало нагнавшую беду. Прасковья Степановна столкнула ребятшек под брезентовый полог подводы, сунула корзину с хлебом и отправилась в неведомый путь. В Красноуфимске их встретил отец.

Не одних Русиновых постигла беда. Из Амерова выселили несколько семей. То же самое происходило в деревне Соколята. С родового гнезда сорвали 13 семей. Среди них из пятистенного дома выгнали ветеринарного фельдшера Василия Ивановича Колотова. Да разве всех перечислишь! С родных мест было сорвано до двухсот семей. Среди русских были татарская семья Мубина Гильмизянова, чуваша Абзалова, марийца Николая Егорова и многих других.

"Социально опасных" загнали в товарные вагоны, как скот, и под охраной повезли в неведомую сторону. На остановках из вагонов выходить не разрешали, даже по нужде. Через несколько дней состав остановился на станции Билимбай.

Спецпереселенцы приехали, можно сказать, ни с чем. У них быстро иссякли скудные запасы продуктов, что сумели взять с собой. На месте нового жительства про-

Команданту подчинялось все население поселка, без его разрешения никто не мог отлучиться. Главы семей спецпереселенцев ежедневно отмечались в комендатуре. Для предотвращения побегов все документы изымались и выдавались справки единого образца. Комендант имел широкие дисциплинарные права - от штрафов до ареста и привлечения к уголовной ответственности.

Хомутовка фактически была колонией, другого слова не подберешь. Да, это был классический колониальный вариант: работай до изнеможения сил - такова норма, убогие жилища и условия жизни.

Спецпереселенцы были заняты тяжелым физическим трудом. Их силы использовались на лесоразработках. Потребность в лесе была огромная. Страна поднимала индустрию. Нелегкая ноша легла на крестьянские плечи. Дневная норма на поперечную пилу была довольно высокая - 4 кубо-

гин. Имена других не удержались в памяти. Из семерых вернулся только В. Мосяев, да и то больной. Немного пожил на свободе. От других и весточки не было. Лишь через два с лишним десятка лет стало известно: реабилитированы.

Грянула Великая Отечественная война. Новые заботы и работы навалились на "социально опасный" народ. Фронту нужны хлеб, солдаты, индустрии - сырье. Хомутовские колхозники давали государству хлеб, для индустрии - уголь. В четырех километрах от деревни они организовали углевыжигательный участок, которым руководил билимбаевский рабочий Осокин. Было построено 6 углевыжигательных печей. В них томили древесный уголь. По зимнему пути уголь возили на станцию Дидино, где грузили прямо в вагоны.

Не только хлебом и углем колхозники помогали стране. Восемнадцать лучших коней колхоз отправил в Красную Армию, за что коллектив получил благодарность командования. Два десятка человек выставила деревня на защиту страны. Нелегкий путь прошли Иван Васильевич Колотов, Иван Петрович Черемных и другие. Не дожили до победного салюта Павел и Михаил Колотовы, Григорий Чухарев, Михаил Ватагин, Мирон Мясников и другие защитники Отчизны из Хомутовки.

В глуши, без права общения с людьми других поселков, без света и радио жили переселенцы. Лишь в 1947 году поставили столбы и

протянули провода, по которым в деревню Хомутовку пришло электричество. Тогда построили мельницу. А то все, что получали за трудодни, мололи вручную. Конечно, мастеровой народ не остановится перед трудностями, своего добьется.

И сами поселенцы потянулись к знаниям. С основания колхоза В. Г. Русинов работал конюхом. Он окончил двухгодичные курсы при Свердловском сельскохозяйственном институте. Работал полеводом. И следует заметить, у полевода Русинова урожайность была стабильно высокой. Колхоз имени Чкалова был на хорошем счету.

Несмотря на драматизм детских лет, потомки русиновского рода стали полноправными хозяевами своей судьбы. Старший сын Николай проработал в баллонном цехе Новотрубного завода полвека, теперь на заслуженном отдыхе, живет в Екатеринбурге. Фаина окончила сельскохозяйственный техникум, Геннадий - Красноярское военное училище, живет в Одессе. Александр прирос к "малой родине", живет в Хомутовке. Средний Леонид отдал Новотрубному 45 лет.

У Леонида Васильевича дочь Ольга живет в Ташкенте, сын Олег - в Санкт-Петербурге. Он начал военную службу в нахимовском училище, затем окончил высшее военно-морское училище. Десять лет отходил на подлодке. Теперь капитан второго ранга Олег Леонидович Русинов в отставке.

Спусти много лет Леонид Васильевич побывал в деревне Амерово. Родительский дом покосился, будто упал на колени. Деревня намного уменьшилась. Колхоз, что был организован в тридцать первом году, обнищал, а потом совсем разорился. Теперь и следа не осталось от Амерова.

В наше время Хомутовка еще не исчезла с карты района - это малонаселенный поселок. Здесь остались потомки "раскулаченных". Они родились здесь. Это их малая родина. Деревня потеряла свой уклад, превратилась в дачный поселок.

В заключение отмечу: мы возвращаемся к здравому смыслу, к признанию, что коммунисты совершили жесточайший акт насилия над крестьянством, акт геноцида. Своими действиями они разрушили основу крестьянского хозяйства в стране.

В наше время возрождается натуральное крестьянское хозяйство - арендатор, кооператор, фермер - на основе частной собственности. Не подвергнется ли "раскулачиванию" (возможно, такие действия будут называться по-другому) процветающие хозяйства? А случись такое, осуществляют его снова будут не марсиане, а свои же земляки, направляемые, скорее всего, чьей-то командной рукой. Был бы "враг" и его "богатство", а "активисты" найдутся.

Такая опасность будет сохраняться до тех пор, пока не разберемся до конца в своем прошлом, не вынесем ему собственный приговор совести, пока не вытравим в себе психологию уравниловки, нетерпимости к чужому трудовому достатку.

Ю. ДУНАЕВ, краевед.

Рисунок Антона ПОТОРОЧИНА.

ИЗ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

В ОБЪЯТИЯХ ТРЕХ РЕК

дуктов купить невозможно. В стране действовала карточная система. Еще в 1928 году правительство ввело нормирование на продовольственные и промышленные товары. Много ли протянешь на одном пайке без приварка? Спецпереселенцы жили впроголодь, испытывали лишения.

На первых порах прибывших поместили в школу. Потом расселили по домам местных жителей. Мужиков, что помоложе да покрепче, отправили в лес на участок, где было намечено строить поселок. Для спецпереселенцев были определены глухие места - Хомутовский углевыжигательный участок и река Крутая. Более сотни семей отправили в глухомань на реку Шишим, а 72 семьи погнали на Шайтанский увал.

"Советская власть сделала все необходимое для трудоустройства бывших кулаков на новых местах жительства. Создала им нормальные условия жизни", - так написано в истории партии. Сколько лжи, цинизма в этих строках!

Как было на самом деле? Первоначально раскулаченных разместили в бараках лесозаготовителей. На семью выделили угол из расчета 3 квадратных метра на человека. Это уже позже трудолюбивые крестьяне построили себе дома в междуречье Большой и Малой Листвянок.

Нелегкая работа выпала на долю "социально опасных". Крестьяне валили кондовый лес, вручную распиливали лесины на доски, строили дома. Среди леса протянулись две улицы - Верхняя и Нижняя. Дома строили на две-четыре семьи. На каждую приходилась небольшая комнатуха в 15-16 квадратных метров. Попробуй уместись, когда в семье семь человек. В комнатухе печь, топчан, полати. Столы и табуретки изготовлены из неструганных досок.

К сентябрю в новой деревне закончили школу, детясли. Позаботились о быте: построили баню, пекарню, магазин. Позже построили клуб. С окончанием строительства в новую деревню, которой дали название Хомутовка, переселились семьи. Ребятишки сели за парты новой школы, в которой преподавали Таисия Яковлевна, Любовь Денисовна, Геннадий Ильич. К сожалению, бывшие воспитанники забыли фамилии своих учителей, помнят только имена. В этом нет ничего удивительного, прошло ведь более шестидесяти лет.

Трудпоселок, к каковому относилась деревня Хомутовка, - это не "потемкинская деревня", выстроенная близ дороги. Это - поселение в глухомани, подальше от дорог, городов и других населенных пунктов. Они располагались подальше от взора людского и были запретной зоной. Даже местным жителям не разрешалось появляться в районе спецпереселенцев. За чем постоянно следило око ОГПУ.

Административное управление спецпоселка осуществлял комендант - представитель ОГПУ, позже НКВД. Он обеспечивал соблюдение общественного порядка, предупреждал побег и, главное, следил за соблюдением договоров о трудовом использовании спецпереселенцев, которые заключались между управлением исправительно-трудовых колоний НКВД и предприятиями.

метра. Не справишься с заданием - норму хлеба убавят всей семье.

Трудолюбивого мужика работой не испугаешь. Чуть забрезжит рассвет, люди уже на делянке, и лес просыпался не от птичьего пения, а от резких ударов топоров, от визга пил. Шум в лесу смолкал только после того, как садилось солнце, и уже не разглядеть в ночной тьме деревьев. Трудились не разгибая спины. В работу были задействованы все от мала до велика. Дети помогали отцам, матерям. В свободное от учебы время пасли скот, работали в лесу: сжигали хвою, кололи дрова, собирали грибы, ягоды - все какой-то достаток к пайку.

Хозяйственный и деловой народ выполнял нормы на лесоразработках и раскорчевывал от пней большую площадь земли близ деревни, создал колхоз, который возглавил Максим Устюгов. Он и был первым председателем.

Переселенцы распахали целину, засеяли клин и получили богатый урожай. Теперь, казалось, досыта будут есть. Все-таки свой хлебушек имели. Да не тут-то было - львиную долю урожая надо было сдавать государству. Но и с такой несправедливостью люди мирились, не смели роптать ни на власть, ни на бога, давшего эту власть на их разорение и ссылку. Сама природа, сам воздух, само трудолюбие сделали поселенцев незлобивыми на судьбу и людей. Они смиренно переносили невзгоды, обрушившиеся на них с указки верховной власти.

Колхоз подняли быстро. Народ собрался трудолюбивый, имеющий опыт ведения хозяйства, пусть оно и коллективное. За короткое время колхоз, получивший название имени Чкалова, приобрел известность. В 1940 году в хозяйстве насчитывалось 40 лошадей, 60 коров, стадо овец в 300 голов, свиньи, птица. Организовали пасеку на 40 ульев. Пчеловодом работал Тупоногов. Каждая семья в личном хозяйстве имела по корове.

Переселенцы не знали перерыва в работе. С октября до апреля "социально опасные" работали на лесоповале, перевозке бревен к реке Шайтанке. После вскрытия реки они сплавляли бревна по Шайтанке и Чусовой до Коуровки. И опять брались за сельскохозяйственные работы. Они не знали ни отпусков, ни выходных. Сколько труда вложили мужики в лесозаготовку? Трудно подсчитать. По самым скромным подсчетам, они вырубали до 1500 гектаров леса, а может, больше. Кто их тогда мерил? На месте лесосек появились хорошо возделанные поля. Колхоз расширял посевные площади. Хлеб косили вручную литовкой. Осенью молотили хлебные колосья. Руками разбирали замерзшие скирды, бросали в барабан, который опять же крутили вручную. Лиха всем досталось немало.

В глуши жили, ни газет, ни радио, ни электричества не было, а вот властная рука "великого кормчего" дотянулась и сюда. Среди "кулацких элементов" проще было выявить "врагов народа". В 1937 году по деревню прошла волна арестов. За одну ночь семь мужиков недосчитались в деревне. Их увезли неизвестно куда и за что. Среди репрессированных были Вячеслав Булатов, Василий Мосяев, Истомина, Вата-